СВАТОВСТВО КАК РИТУАЛ: УЗБЕКСКАЯ И РУССКАЯ МОДЕЛИ В СРАВНИТЕЛЬНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Турдиалиева Эльнура Батыровна
докторант Анджанского
государственного университета
Андижан, Узбекистан
bturdialiyev@bk.ru

Аннотация. В статье институт сватовства рассматривается как самостоятельный ритуал со своей внутренней структурой, персонажами и языком, а не как простая бытовая процедура, предваряющая свадьбу. На материале узбекского *совчилик* и русского *сватовства* выявляются общие структурные модели многоступенчатость переговоров, ритуализированный отказ и согласие, институт посредника как лиминальной фигуры, иносказательный язык предложения, а также культурные различия, обусловленные конфессиональной принадлежностью, гендерным составом посредников и хозяйственно-правовым содержанием договора между родами.

Ключевые слова: *сватовство, совчилик, институт посредничества, ритуал, обряд перехода, иносказательная речь.*

Сватовство традиционно рассматривается как подготовительный, служебный этап свадебного цикла как процедура, предшествующая собственно обряду и потому имеющая второстепенное значение по сравнению со свадебным днём. Между тем при ближайшем рассмотрении сватовство обнаруживает все признаки самостоятельного ритуала: у него есть устойчивая структура, специализированные исполнители, собственный язык и собственная логика перехода от неопределённости к согласию. Именно этот ритуальный статус сватовства, общий для узбекской и русской традиций при глубоких различиях в

его конкретном наполнении, составляет предмет настоящей статьи.

Актуальность обращения к институту сватовства определяется несколькими обстоятельствами. Во-первых, сватовство как обряд оказывается недостаточно изученным именно в сравнительно-типологическом ключе: исследователи чаще описывают его в рамках отдельной национальной традиции, не выходя на уровень межкультурного сопоставления. Во-вторых, фигура посредника *совчи* или свата представляет самостоятельный интерес как культурный тип лиминальной личности, чья социальная функция построена на временном пребывании «между» двумя родами. В-третьих, в условиях трансформации современного свадебного уклада институт сватовства как в узбекской, так и в русской культуре претерпевает существенные изменения либо вовсе выходит из употребления, что делает фиксацию его традиционных форм задачей неотложной.

Целью работы является сравнительно-типологический анализ структуры, персонажей и языка обряда сватовства в узбекской и русской традиции. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: рассматривается общая ритуальная структура сватовства как обряда перехода; характеризуется фигура посредника *совчи* и свата в аспекте его социального статуса и лиминарной функции; анализируется иносказательный язык, которым традиционно оформляется предложение брака; выявляются общие и специфические черты хозяйственно-правового содержания сватовского договора. Материалом послужили полевые записи, описания свадебной обрядности в научной литературе, а также фольклорные тексты, фиксирующие формулы сватовской речи; методологической основой служат сравнительно-исторический и структурно-семиотический подходы, а также теория обряда перехода А. ван Геннепа.

Рассматриваемое с точки зрения теории обряда перехода, сватовство обнаруживает собственную трёхчастную структуру, вложенную внутрь общей структуры свадебного цикла: оно начинается с фазы «разведки» или предварительного зондирования почвы, продолжается фазой переговоров, нередко растянутой на несколько визитов, и завершается фазой ритуального закрепления согласия. В узбекской традиции первый визит в дом невесты часто заведомо не приводит к прямому результату: хозяева, даже будучи расположенными к союзу, обязаны проявить сдержанность и не дать согласия сразу, поскольку поспешное согласие расценивается как признак низкой цены невесты и недостаточного уважения к её роду. Повторные визиты, каждый из которых сопровождается новыми дарами и всё более определёнными репликами, постепенно снимают это напряжение и подводят стороны к финальному согласию *фотиха*, ритуальному благословению, скрепляющему договор. Русское сватовство организовано похожим образом: первый приход сватов нередко носит характер разведывательный, «на смотрины», а формальное решение откладывается до следующего визита; между первым и окончательным приходом сватов может пройти значительное время, заполненное неформальными переговорами через третьих лиц.

Общей для обеих традиций оказывается и сама функция ритуализированного отказа: то, что по существу является процедурой переговоров об условиях союза, оформляется как испытание серьёзности намерений жениховой стороны и как демонстрация ценности невесты. Ритуальный отказ в этом смысле не отрицание, а формула вежливости, обязательный элемент грамматики обряда, без которого само согласие не могло бы восприниматься как заслуженное и весомое. В этом узбекская и русская модели сватовства демонстрируют общий механизм, хорошо известный по

других культур: чем более длительным и напряжённым оказывается путь к согласию, тем выше символическая цена достигнутого союза.

Центральной фигурой обряда выступает посредник *совчи* в узбекской традиции и сват (или сваха) в русской. *Совчи* традиционно избирается из числа людей, обладающих даром убеждения, хорошей репутацией и, что немаловажно, родственными или дружескими связями с обеими сторонами; часто эту роль исполняет женщина старшего возраста, уже доказавшая свою состоятельность как хозяйка и мать. В русской традиции сватом мог выступать как родственник жениха, так и приглашённый профессиональный сват или сваха, чья репутация строилась на успешном опыте предыдущих сватовств. Общей чертой обеих фигур является их лиминарный статус: посредник на время обряда перестаёт полностью принадлежать «своей» стороне и приобретает временный статус нейтрального, доверенного лица, допущенного в дом невесты с особыми правами речи и поведения, недоступными обычному постороннему человеку.

Значимым элементом обеих традиций выступает иносказательный язык, которым оформляется само предложение о браке: прямое называние цели визита считается неприличным и невозможным. В русской традиции хорошо известна формула-метафора купли-продажи: «У вас товар, у нас купец», в которой невеста иносказательно именуется товаром, а жених покупателем; подобные иносказания встречаются также в форме охотничьей метафоры («у вас куница, у нас охотник»). В узбекской традиции *совчи* прибегает к собственному набору иносказательных формул и вопросов, косвенно указывающих на цель визита, а также к развёрнутым восхвалениям рода жениха, призванным продемонстрировать серьёзность и достоинство намерений. При всём различии конкретных образов купеческого в русской традиции и восхвалительно-родословного в узбекской, оба языка сватовства решают одну и ту же коммуникативную задачу: смягчить прямоту предложения, вывести переговоры

о браке из регистра обыденной речи в регистр ритуально маркированного, вежливо-обходительного дискурса.

Наконец, сватовство в обеих традициях сопряжено с обсуждением хозяйственно-правовых условий будущего союза, хотя конкретное содержание этих условий культурно специфично. В узбекской традиции в ходе переговоров могло обсуждаться *сарпо* — комплекс даров жениховой стороны невесте и её родственникам, а также условия проведения свадебных торжеств обеими сторонами. В русской традиции предметом переговоров традиционно выступало приданое невесты и материальные обязательства жениховой стороны; в некоторых регионах и социальных группах сохранялись элементы обсуждения выкупа. Показательно, что в обеих культурах эти сугубо материальные вопросы облекались в ту же иносказательную, ритуализированную форму речи, что и само предложение брака, — прямое обсуждение денежных условий считалось столь же неуместным, как и прямое предложение руки и сердца.

Сопоставление узбекской и русской моделей сватовства позволяет говорить о двух уровнях сходства и различия. На уровне структурно-функциональном обе традиции реализуют общую модель ритуализированных переговоров: многоступенчатость визитов, институт посредника-медиатора, ритуальный отказ как испытание, иносказательный язык предложения. Эта общность возводит сватовство к универсальному типу обряда мирных межродовых переговоров, засвидетельствованному в самых разных культурах мира. На уровне конкретно-этнографическом различия касаются гендерного состава посредников, конкретных иносказательных образов и содержания хозяйственно-правовых договорённостей, что объясняется различием религиозно-культурного и социально-экономического контекста, в котором складывались обе традиции.

Проведённый анализ показывает, что сватовство правомерно рассматривать не как служебную бытовую процедуру, а как самостоятельный ритуал со своей структурой, персонажами и языком, вложенный внутрь общего свадебного цикла. Узбекская и русская модели сватовства демонстрируют общую логику ритуализированных переговоров между родами при этнически специфичных формах её реализации в фигуре посредника, в иносказательном языке предложения и в содержании хозяйственно-правового договора. Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется расширение сопоставительного материала за счёт региональных вариантов сватовства внутри каждой традиции, а также изучение трансформации данного института в современной городской свадебной практике.

Существенным аспектом, заслуживающим отдельного рассмотрения, является гендерная организация института посредничества. Показательно, что в узбекской традиции роль совчи в подавляющем большинстве случаев исполняет женщина, тогда как окончательное решение и ритуальное закрепление согласия (фотиха) остаётся прерогативой мужчин старших родственников обеих сторон. Такое распределение ролей отражает более широкую модель традиционного общества, в которой женщина выступает медиатором на этапе неформальных, устных переговоров, требующих гибкости и такта, тогда как мужчина санкционирует итог переговоров в публичном, формально значимом акте. В русской традиции гендерная картина сложнее: наряду с профессиональной свахой активно действует институт сватов-мужчин, нередко в паре «сват и сваха», что может рассматриваться как символическое удвоение посреднической функции мужская линия отвечает за формальную сторону переговоров (условия, сроки, обязательства), женская за неформальную, эмоционально-психологическую подготовку невесты и её матери к согласию.

Дополнительным подтверждением ритуального, а не сугубо бытового статуса сватовства служит наличие в обеих традициях устойчивого корпуса паремий и фразеологических формул, специально описывающих данную процедуру. Русский язык сохранил многочисленные пословицы о сватовстве («Сватать - не быка купить», «Не купи двора, купи соседа, не сватай жену, сватай тёщу»), фиксирующие представление о сватовстве как о рискованном, требующем осторожности предприятии. В узбекском языке аналогичную функцию выполняют устойчивые выражения и благопожелания, сопровождающие визит совчи и подчёркивающие ответственность данного шага для обеих сторон. Наличие развитого паремиологического фонда, посвящённого именно процедуре сватовства, а не свадьбе в целом, само по себе свидетельствует о том, что традиционное сознание выделяло сватовство в качестве самостоятельного, значимого события, требующего особого речевого сопровождения.

Отдельного комментария заслуживает и пространственно-временная организация обряда. Визит совчи или сватов, как правило, не мог состояться в произвольный день: в узбекской традиции предпочтение отдавалось нечётным числам и определённым дням недели, считавшимся благоприятными для начинаний; в русской традиции также существовали запреты на сватовство в постные дни и предпочтение определённых календарных периодов после уборки урожая, когда семьи располагали большим достатком и временем для организации последующей свадьбы. Пространственная организация визита порядок рассаживания гостей, место, которое занимает совчи или сват в доме невесты, очерёдность подачи угощения также была строго регламентирована и выполняла функцию демонстрации статуса участников переговоров, что сближает сватовство с дипломатическим протоколом в его наиболее ритуализированных формах.

Наконец, нельзя обойти вниманием и трансформацию института сватовства в современных условиях. В городской среде как узбекская, так и русская модели сватовства подверглись существенному упрощению: функцию совчи или свата всё чаще берут на себя сами будущие супруги или их близкие друзья, а многоступенчатые переговоры сокращаются до одного-двух формальных визитов родителей. Тем не менее показательно, что даже в максимально упрощённом виде сохраняется ядро обряда визит представителей жениховой стороны в дом невесты с прямо выраженной целью получить согласие на брак, что подтверждает устойчивость базовой ритуальной модели сватовства при изменчивости её конкретных культурных форм. Изучение современных трансформаций института сватовства представляется перспективным направлением для последующих полевых исследований в обеих традициях.

Показательно также, что институт сватовства в обеих культурах связан с более широкой символикой пути и порога. Сам факт визита в чужой дом с ответственной, судьбоносной целью придаёт дороге совчи или сватов особый статус: в узбекской традиции существовали приметы, связанные с встречей на пути к дому невесты (благоприятной считалась встреча с полным сосудом воды, неблагоприятной - с пустым), в русской традиции аналогичную функцию выполняли приметы, связанные с погодой и первым человеком, встреченным сватами по дороге. Подобные представления органично вписывают сватовство в общий ряд обрядов, требующих особой удачи и благословения на всём протяжении пути, что вновь подчёркивает его ритуальный, а не сугубо утилитарный характер.

Показательным для обеих традиций является и момент вхождения посредников в дом невесты, который сам по себе театрализован и требует соблюдения строгого этикета. В узбекской традиции совчи, войдя в дом, не

переходит сразу к цели визита, а участвует в продолжительном обмене приветствиями и расспросами о здоровье и делах семьи; лишь после того, как хозяева сами проявят готовность к разговору, совчи переходит к иносказательному изложению цели прихода. Аналогичным образом в русской традиции сваты, войдя в избу, некоторое время ведут нейтральную беседу и лишь затем, часто по знаку хозяина дома («милости просим к нашему хлебу-соли»), приступают к произнесению условленных иносказательных формул. Подобная отсроченность перехода к главной теме визита представляет собой универсальный этикетный приём, характерный для дипломатических переговоров многих культур, и вновь подтверждает родство института сватовства с ритуалом мирных межродовых переговоров в широком смысле слова.

Список литературы

1. Геннеп А. ван. Обряды перехода. — М.: Восточная литература, 1999.

2. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К описанию организации свадебного обряда // Русский народный свадебный обряд. — Л.: Наука, 1978.

3. Лобачева Н.П. Формирование новой обрядности узбеков. — М.: Наука, 1978.

4. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М.: Наука, 1969.

5. Сумцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. — Харьков, 1881.

6. Жабборов И. Ўзбек халқи этнографияси. — Тошкент: Ўқитувчи, 1994.